

В.В. Комаров*

К ПРОБЛЕМЕ О КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВАНИЯХ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

1. В правовой доктрине является общепризнанным постулат о влиянии Конституции на законодательство, ее фундаментальном значении для формирования сфер правового регулирования. При этом, учитывая характер Конституции как нормативного акта высшей юридической силы и специфической формы выражения права,

---

*Заведующий кафедрой гражданского процесса, проректор Национальной юридической академии Украины имени Ярослава Мудрого (г. Харьков).

особое значение имеет проблема прямого действия Конституции. Большинство современных конституций, закрепляют принцип верховенства права, в основе которого лежат принципы прямого действия Конституции (ст. 8 Конституции Украины).

Современная юридическая практика в Украине весьма осторожно относится к применению норм Конституции. Суды общей юрисдикции нормы Конституции практически не применяют и в этом смысле следует отметить известный конформизм судебной системы. Имеют место немало случаев, когда при наличии достаточных оснований применения Конституции она все же не применяется. Так, можно отметить существование продолжительное время в гражданском процессуальном законодательстве Украины института пересмотра судебных решений в порядке надзора, который не имел конституционных оснований и, более того, противоречил основам правосудия, идее правового государства и праву сторон на распоряжение. Анахроничным остается по своему содержанию и институт участия в гражданском процессе прокурора, органов государственной власти и органов местного самоуправления, профсоюзов и т.п. [1]

2. Совершенствование и применение гражданского процессуального законодательства, равно как его теоретическое освоение, должны осуществляться, прежде всего, на основании и в пределах Конституции как фундаментального нормативного акта в правовой системе государства.

Теоретические модели, научные концепции должны иметь конституционное обоснование и учитывать конституционные параметры судопроизводства. Научные исследования такой направленности имеют методологическое значение для законотворчества и практики применения Конституции в судопроизводстве.

В Украине действующая Конституция принята в 1996 г. Как до ее принятия, так и после гражданское процессуальное законодательство претерпело немало изменений, однако новый Гражданский процессуальный кодекс, хотя его разработка продолжалась около 10 лет, был принят лишь 18 февраля 2004 г. ГПК «не повезло», поскольку уже до этого были приняты гражданский, семейный, хозяйственный, бюджетный, таможенный, земельный и др. кодексы.

При концептуальном осмыслении гражданского процессуального законодательства принципиальное значение имеет научный анализ конституционных оснований судебной власти и судопроизвод-

ства, ибо Конституция закрепляет фундаментальные права и свободы человека и гражданина, верховенство права, исключительность судебной власти и судебной юрисдикции, конституционные принципы правосудия. Исходя из этого, на наш взгляд, парадигмальное значение имеет проблема функционирования правосудия в условиях абсолютности прав человека и гражданина, самоценности судебной власти и правосудия по гражданским делам, которая пожалуй, определяет главный, стратегический вектор научных исследований.

3. Конституционные основания правосудия — это те ее положения, которые детерминируют, с одной стороны, сферу конституционно-правового регулирования судебной власти и правосудия, а с другой — являются предпосылками для формирования (интерпретации) гражданского процессуального законодательства, а точнее — конституционно-правовой составляющей режима гражданского судопроизводства.

Анализ Конституции под этим углом зрения позволяет определить по крайней мере такие основные параметры гражданского судопроизводства:

1. Суд — независимый орган в триаде властей, имеющий исключительную прерогативу осуществлять правосудие;

2. Потребность дифференциации судебной юрисдикции и форм судопроизводства;

3. Принципы правового государства и верховенства права как детерминанты функционирования судопроизводства, условия, определяющие характер и содержание правового статуса гражданина и органов судебной власти;

4. Конституционные принципы судопроизводства — наивысшие по значимости правовые требования, характеризующие режим судопроизводства;

5. Постулат соблюдения конституционных прав граждан и иных субъектов права;

6. Доступность правосудия и некоторые другие.

4. В аспекте конституционной регламентации правосудия наиболее актуальной является проблема сущностной характеристики правосудия в правовой системе, которая непосредственно связана, в первую очередь, с интерпретацией конституционного принципа осуществления правосудия только судом.

В течение продолжительного времени данный принцип раскрылся через компетенцию судов по рассмотрению и разрешению гражданских дел, а само правосудие рассматривалось как одна из форм защиты гражданских прав. Для этого были известные правовые основания, ибо согласно ст. 6 ГК УССР защита гражданских прав осуществляется в установленном порядке судом, хозяйственным или третейским судом, нотариатом. Это не могло не привести к нивелированию социальной и правовой ценности правосудия, поскольку правосудие, во-первых, «уравнивалось» с иными формами защиты прав, а во-вторых, тем самым ограничивалась сфера судебной власти. Наряду с судами, гражданские споры рассматривали в пределах своей компетенции иные, в том числе административные, органы и их компетенция исключала компетенцию судов. Так, произошла диффузия судебной власти, ибо правосудными функциями по сути стали обладать и несудебные органы [2].

На наш взгляд, доктринально правосудие, как фундаментальный институт правовой системы, должен рассматриваться как форма осуществления прав и свобод субъектов права через надлежащие судебные процедуры. Такой подход имеет принципиальное значение для обоснования конструкции гражданского процесса и его процедур. Так, в настоящее время является бесспорными, что в правовом государстве власть государства должна ограничиваться. В триаде государство — общество — гражданин инструментами ограничения государственной власти являются институты гражданского общества, а также права человека и гражданина. В этом контексте интерпретация правосудия как формы осуществления прав и свобод приобретают очерченные параметры и предполагает конструирование в процессуальном законодательстве системы процессуальных гарантий, обеспечивающих право сторон на судебную защиту и справедливое правосудие, гармонизацию частного и публичного в процессуальных формах судопроизводства, ограничение властных полномочий суда правом сторон на распоряжение, что для гражданского процесса представляется наиболее существенным [3].

Принцип осуществления правосудия только судом в его современном понимании означает также необходимость определения сферы компетенционных полномочий органов правосудия в контексте разделения властей [4].

Конституция Украины закрепила, что юрисдикция судов распространяется на все правоотношения, возникающие в государстве (ст. 124). С теоретической точки зрения данная формула Конституции является абсолютно точной, поскольку в аспекте разделения властей она фиксирует статус судебной власти как самостоятельной ветви власти. Вместе с тем, если сфера судебной юрисдикции определена конституционно, требует решения важный вопрос дифференциации судебной юрисдикции, поскольку, к примеру, Конституция Украины предусмотрела такие начала формирования судебной власти, как территориальность и специализация (ч. 1 ст. 125).

Очевидно, что правосудие должно иметь дифференцированную юрисдикцию, а также дифференцированные процессуальные формы и процедуры, ибо принцип специализации подразумевает дифференциацию полномочий органов правосудия в пределах сферы судебной власти. Однако возникает вопрос: каковы пределы такой дифференциации?

В теории процессуального права вопрос о создании специализированных судов и соответственно — процессуальных кодексов остается, как известно, спорным. Законотворческая практика идет разными путями — или в направлении неограниченной дифференциации, или, наоборот, — унификации судебной системы и процессуального законодательства [5].

Представляется, что доктринально обосновать дифференциацию полномочий органов правосудия в пределах сферы судебной власти возможно в контексте Конституции и принципа разделения властей на основе базовых отношений, триады: государство — общество — гражданин. В таком случае дифференциация судебной юрисдикции будет определяться типологией возможных правовых отклонений, которые могут выступать обстоятельствами применения мер юридической ответственности или защиты в процессуальных формах судопроизводства.

В основу типологической дифференциации судебной юрисдикции и правосудия могут быть положены три типа правовых отклонений: правовые отклонения как обстоятельства применения мер уголовной ответственности; правовые отклонения как основания судебной защиты субъектов права в сфере публичной деятельности государства, его органов и должностных лиц и правовые отклонения

как основания судебной защиты в сфере частноправового регулирования.

На основании этого типология судебной юрисдикции и правосудия, на наш взгляд, должна сводиться к уголовной, административной и гражданской формам правосудия.

При этом представляется, что гражданская процессуальная форма (правосудие по гражданским делам) может быть использована и в сфере административной юрисдикции. Вместе с тем в практике законодательства этот вопрос решается по-разному. В ГПК Украины 2004 г. производство по делам, вытекающих из административно-правовых отношений, исключено, а в ГПК России 2002 г. это производство осталось и именуется как производство по делам, возникающим из публичных правоотношений.

5. Важное концептуальное значение для обоснования теоретической модели гражданского процессуального законодательства и его теоретического освоения имеет сущностная характеристика содержания судебной власти и правосудия по гражданским делам.

Содержание правосудия сводится к определению вида и объема субъективных прав и юридических обязанностей лиц при разрешении гражданского дела судом. При осуществлении правосудия реализуются конкретные юрисдикционные полномочия суда. На наш взгляд, судебная юрисдикция — сущностная характеристика судебной власти. Она связана с правосудием и, по сути, является полномочием по осуществлению правосудия органами судебной власти. Представляется в этом отношении весьма удачным, закрепление в уже названной ч. 2 ст. 124 Конституции Украины, юрисдикции [6], а также отказ законодателя от института подведомственности гражданских дел. В ГПК Украины 2004 г. это нашло свое отражение в закреплении института судебной юрисдикции, которая в контексте указанном выше конституционной нормы является неограниченной [7].

Определяя судебную юрисдикцию как полномочие по осуществлению правосудия и разрешению правовых конфликтов следует иметь в виду то, что признаками судебной юрисдикции являются: наличие спора о праве; процессуальные формы разрешения дел; особая природа постановлений суда как органа власти. Это обстоятельство нужно специально подчеркнуть, т. к. в судебной практике, суды, вопреки правилу о неограниченности судебной юрисдикции

по Конституции, отказывают в принятии к рассмотрению некоторые гражданские дела. Имеют место и такие случаи, когда суды, наоборот, принимают к рассмотрению дела, которые не требуют применения юрисдикционных полномочий судебной власти [8].

Поскольку судебная юрисдикция — особое полномочие органов судебной власти в гражданском судопроизводстве не все и не всякие процессуальные действия судьи (суда) являются действиями по осуществлению правосудия. Правосудие и правосудная деятельность сводится только к принятию судебных актов, которыми разрешается гражданское дело, то есть реализуются юрисдикционные полномочия. В этой связи представляется, что необходимо по-иному подходить к оценке механизмов гражданского судопроизводства. При этом весьма важно подчеркнуть то, что процедуры судопроизводства (гражданского процесса), разумеется, должны быть правосудными, т.е. обеспечивать как реализацию судебных полномочий, так и права на судебную защиту заинтересованными лицами. В этом аспекте возникает ключевая теоретическая и прикладная проблема — проблема соотношения правосудия и гражданского судопроизводства (гражданского процесса). В науке на протяжении многих лет правосудие и гражданское судопроизводство (гражданский процесс) отождествляются. Представляется, что такое отождествление является ошибочным с методологической точки зрения. Категориальный ряд «правосудие — гражданский процесс» отражает закономерности, которые имеют системный характер, и связаны с реализацией судебной власти и правосудия в надлежащих судебных процедурах. Правосудие по гражданским делам по отношению к гражданскому процессу носит субстанциальный характер и в категориальном аспекте они соотносятся как сущность и явление. Теоретический вывод о том, что не все процессуальные действия суда (судьи) относятся к составу правосудия и являются действиями по осуществлению правосудия имеет значение и для практики судопроизводства, в частности, для реализации прав сторон на справедливое правосудие, что, как правило, связано с возможностью обжалования действий суда в существующих процессуальных формах и исковой защитой нарушенных судом прав. Признание этого допустимым, пожалуй, может стать своего рода «переворотом» в практике судопроизводства. И судебная практика твердо стоит на той точке зрения, что решение суда или бездеятельность судов во время осу-

ществления правосудия, подготовки, рассмотрения дела в судебных инстанциях и др. могут обжаловаться в апелляционном или кассационном порядке [9].

В настоящее время является аксиоматичным то положение, что процессуальная деятельность суда, определенные процессуальные действия не могут быть предметом обжалования или оспаривания, кроме случаев, предусмотренных гражданским процессуальным законодательством. Проблем не возникает, когда речь идет об обжаловании актов правосудия или тех актов суда (например, определений судов первой инстанции), которые по закону могут быть предметом обжалования. А как быть в тех случаях, когда стороны не возражают против решения суда по сути, однако полагают, что иными действиями суда им причинен вред? Наиболее типичным является неосновательное наложение судом ареста на имущество, нарушение сроков рассмотрения дел, задержка направления дела в апелляционную или кассационную инстанции, что может привести к неблагоприятным имущественным и иным последствиям.

Исходя из того, что не все процессуальные действия или бездействие суда являются осуществлением правосудия, следует сделать вывод, что незаконные или ошибочные действия судьи, которые причинили материальный или моральный вред сторонам, могут быть самостоятельными основаниями для их оспаривания в исковом порядке.

Данный вывод вряд ли представляется бесспорным и будет восприниматься судебной практикой, однако он является закономерным, исходя из того постулата, что конституционно правосудие является не формой защиты гражданских прав, а формой осуществления прав и свобод и по отношению к органам судебной власти каждый имеет право на правосудие. Право на правосудие, и в этом состоит современное его понимание, означает и право на надлежащие, справедливые судебные процедуры.

В этом отношении представляет исключительный интерес Постановление № 1-П от 25 января 2001 г. Конституционного Суда Российской Федерации, предметом рассмотрения которого стала норма, содержащаяся в п. 2 ст. 1070 ГК Российской Федерации. Конституционный Суд констатировал, что под осуществлением правосудия понимается не все судопроизводство, а лишь та его часть, которая заключается в принятии актов судебной власти по разреше-

нию подведомственных суду дел, т.е. судебных актов, разрешающих дело по существу. Исходя из необходимости возмещения ущерба, причиненного при осуществлении гражданского судопроизводства, суд сделал вывод о необходимости законодательного урегулирования оснований и порядка возмещения государством вреда, причиненного действиями (или бездействиями) судьи в ходе осуществления гражданского судопроизводства, в случае если он издает незаконный акт (или проявляет противоправное бездействие) по вопросам, определяющим не материально-правовое (решение суда по существу), а процессуально-правовое положение сторон (нарушение разумных сроков судебного разбирательства, иное грубое нарушение процедуры). С учетом этого законодателю предложено определить подведомственность и подсудность дел такого рода.

6. Детерминирующее влияние Конституции на законодательство и юридическую практику проявляется и в общей конституционно-правовой обусловленности правовой системы, которая определяется различными составляющими и в первую очередь провозглашением идеи правового государства и принципа верховенства права. Осуществление данных конституционных положений в гражданском судопроизводстве имеет различные аспекты. Но наиболее очевидным и важным из них является применение судами при разбирательстве гражданских дел норм Конституции как нормативного акта прямого действия и о необходимости неограниченной и эффективной судебной защиты конституционных прав, которые составляют основу правового статуса гражданина.

Пленум Верховного Суда Украины принял Постановление № 9 от 1 ноября 1996 г. «О применении Конституции Украины при осуществлении правосудия», в котором сформулировал правоположения, направленные на правильное применение норм Конституции с учетом действия принципа верховенства права. При этом Верховный Суд исходит из того, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и они определяют цели и содержание законов и иных нормативных правовых актов, содержание и направленность деятельности органов законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления и обеспечиваются защитой правосудия. Суды непосредственно применяют Конституцию в случае, когда из содержания ее норм не возникает необходимость дополнительной регламентации ее положений.

ний законом; когда закон или иной нормативный правовой акт противоречит ей.

Не смотря на наличие достаточных предпосылок для прямого применения Конституции, все-таки при этом могут иметь место сложности. Одна из таких — отсутствие системной связи конституционных норм с отраслевым законодательством, что затрудняет формирование единого правового поля и бесконфликтность применения действующего законодательства, в том числе Конституции. Кроме того, неизбежно возникает вопрос о конкуренции юрисдикции общих судов, которые имеют право «критики закона» и Конституционного Суда. Но главное, пожалуй, состоит в том, что гражданское судопроизводство не предусматривает непосредственного механизма судебной защиты конституционных прав. В процессуальной литературе совершенно обосновано отмечалось, в том числе и российскими процессуалистами, что прямое действие Конституции предполагает не опосредованный, а прямой механизм защиты конституционных прав. Этот пробел, к сожалению, имеет место и в новом ГПК Украины 2004 г., и в новом ГПК Российской Федерации 2002 г. Конституционные права, как правило, защищаются опосредствовано в процедурах производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений. И поэтому иски о защите конституционных прав, к примеру, о защите права на безопасную окружающую природную среду, права на свободное передвижение и др. являются чаще всего предметом академических конструкций, а не судебной практики. Однако как раз в этом и обнаруживается недостаточность судебной защиты и неадекватность процессуальных форм судопроизводства прогрессивному конституционному положению о неограниченности судебной юрисдикции (ст. 124 Конституции) [10].

Следует отметить, что указанная неадекватность определенным образом все же преодолевается Конституционными судами. Так, Конституционный Суд Украины принял немало решений о соответствии норм ГПК, регулирующих подведомственность гражданских дел, ст. 124 Конституции Украины. Решения по аналогичным вопросам принимал и Конституционный Суд Российской Федерации.

7. Наиболее концентрированное влияние Конституции на гражданское процессуальное право и законодательство выражается в закреплении в ней принципов правосудия.

Конституционное закрепление принципов правосудия имеет чрезвычайно важное значение, поскольку этим определяются ориентиры развития гражданского процессуального законодательства, его применения, конституционный объем правового регулирования в этой сфере. Следует отметить, что с принятием новой Конституции Украины состав конституционных принципов правосудия значительно расширился. Перед теорией процессуального права в связи с этим возникает проблема их надлежащей интерпретации.

Среди тех принципов, которые непосредственно относятся к гражданскому процессу в Конституции закреплены следующие: осуществления правосудия только судом; участия народа в осуществлении правосудия через народных заседателей (ст. 124); осуществления правосудия судьей единолично или коллегией судей; независимости судей и подчинения их только закону; равенства всех участников судебного процесса перед законом и судом; состязательности сторон и свободы в предоставлении ими доказательств, доказывании перед судом их достоверности; гласности судебного процесса и его полная фиксация техническими средствами; обеспечения апелляционного обжалования решения суда; обязательности решения суда (ст. 129).

8. В последние годы стала весьма актуальной тема доступности правосудия, которая также имеет конституционные основания. В соответствии со ст. 55 Конституции Украины каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, т.е. каждый имеет право на судебную защиту. Является весьма отрадным, что суды интерпретируют это право как право, не подлежащее ограничению как и иные основные конституционные права [11].

В теории гражданского процессуального права право на судебную защиту исследовалось в разных аспектах: как право субъективное и конституционное, как право на деятельность суда и на ее результат и т.п. В большинстве случаев высказываемые суждения являются правильными, однако они основываются на исследованиях догмы гражданского процессуального права без учета конституционных оснований правосудия. Так, чаще всего право на судебную защиту отождествляется с правом на обращение в суд, с правом заинтересованного лица требовать судебного рассмотрения предъявленного иска, жалобы или заявления в порядке гражданского судопроизводства. Некоторые авторы вообще полагают, что право на

судебную защиту является институтом не процессуального, а материального права, поскольку исходят из того, что если субъективное право не нарушено, то у лица отсутствует право на судебную защиту.

Право на судебную защиту, на наш взгляд, является и конституционным, и субъективным правом. Оно принадлежит не абстрактному субъекту права, а любой личности и входит в ее правовой статус. Право на судебную защиту, будучи конституционным, служит базой для процессуальных прав в гражданском судопроизводстве. Процессуальные субъективные права выступают в качестве юридических средств, обеспечивающих фактическую возможность осуществить конституционное право на судебную защиту. Конституционное право на судебную защиту, как и любое конституционное право, характеризуется особой социальной значимостью, стабильностью, не отчуждаемостью, всеобщностью.

По своей функциональной направленности для правообладателя конституционное право на судебную защиту сводится к праву на надлежащее правосудие, что подразумевает в первую очередь надлежащие судебные процедуры (можно сказать — справедливое судебное разбирательство), обеспечивающее восстановление нарушенного или оспоренного права, которое стало объектом судебного процесса. В этом смысле, по сути, конституционное право на судебную защиту и означает доступность правосудия.

Интерпретация правосудия в контексте доступности — не мода времени [12]. Доступность правосудия стала международным стандартом, поскольку осуществление основных прав человека и гражданина связывается с судебными процедурами, причем такими судебными процедурами, которые бы не затрудняли, а облегчали судебную защиту. Можно отметить, ту закономерность что, эволюция конституционного законодательства всегда характеризуется повышением юстициарности прав, закрепленных в конституциях. Это касается большинства современных государств. Параллельно с этим конституировался более высокий уровень судебной власти и правосудия.

Особую актуальность проблема доступности правосудия приобретает в связи с ратификацией многими европейскими странами, в том числе Украиной и Россией Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., а также при-

знанием юрисдикции Европейского суда по правам человека по вопросам толкования и применения Конвенции.

Согласно преамбуле к Конвенции, среди основных элементов общего наследия европейских стран — верховенство права, который связан с независимыми и беспристрастными судами, действующими в рамках правовой системы. Эта роль нашла отражение в п. 1 ст. 6 Конвенции, сформулировавшей принципы отправления правосудия, которые призваны обеспечить справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Контрольные органы Совета Европы рассматривают гарантированное ст. 6 Конвенции право на доступ к правосудию и справедливому публичному разбирательству в качестве одного из основных признаков демократического общества и на этом основании предельно широко толкуют изложенные в указанной статье правила. Так, Европейский суд по правам человека в деле Делькур постановил, что по смыслу Конвенции право на справедливое отправление правосудия занимает столь важное место в демократическом обществе, что ограничительное толкование п. 1 ст. 6 не соответствовало бы цели и смыслу данного положения. Руководствуясь аналогичными соображениями, Комитет министров Совета Европы на основании ст. 15 Устава Совета Европы рассматривает меры, направленные на достижение цели облегчения доступа к суду при одновременном соблюдении должного порядка отправления правосудия как важные, и обеспечивает проведение правительствами стран-участниц единой политики в отношении указанных вопросов.

Стандарты Совета Европы в области отправления правосудия по гражданским делам не допускают ограничение судебной защиты в определенных сферах или в отношении определенных категорий дел.

Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 14 мая 1981 г. № R (81) путей облегчения доступа к правосудию содержат ряд предложений, реализация которых повышает доступность правосудия. Так, речь идет о расширении механизмов примирения сторон или дружественного урегулирования спора до принятия его к производству или же в ходе разбирательства; об оптимизации судебного процесса, который обычно должен состоять не более чем из двух судебных заседаний: первое заседание может носить подгото-

вительный характер, а в ходе второго должны представляться доказательства, заслушиваться доводы сторон и, если возможно, приниматься решение; о применении санкций в отношении любой стороны, не совершающей необходимые процессуальные действия в установленные законом или судом сроки (к таким санкциям могут относиться лишение права на совершение процессуального действия, решение о возмещении ущерба и покрытии издержек, наложение штрафа, оставление заявления без рассмотрения); о наделении суда полномочиями либо немедленно принять решение по существу спора, либо применить такие санкции, как, например, наложение штрафа, возложение обязанности обязать возместить ущерб, лишение права на совершение процессуального действия в случае вынесения итогового решения по делу в максимально короткие сроки после его окончания и др.

Рекомендации Комитета министров Совета Европы относительно принципов гражданского судопроизводства, направленных на совершенствование судебной системы, от 28 февраля 1984 г. № К (84) 5 предусматривают, что некоторые нормы и процедуры гражданского судопроизводства, принятые в государствах-членах, в определенных случаях выступают препятствием эффективному отправлению правосудия. Такие нормы (процедуры) могут уже не отвечать потребностям современного общества и ими могут злоупотреблять участники процесса в целях затягивания судебного разбирательства. С целью предотвращения подобных злоупотреблений суд должен играть активную роль в обеспечении быстрого судебного разбирательства, уважая при этом права сторон, в том числе право на беспристрастность. Активная роль суда обеспечивается возможностью требовать от сторон таких объяснений, которые суд сочтет необходимыми, и личной явки; вызывать свидетелей, особенно в тех случаях, когда речь идет об интересах иных лиц, помимо участвующих в деле; контролировать допрос свидетелей; исключать из участия в разбирательстве свидетелей, чьи возможные показания не имеют отношения к данному делу, ограничивать количество свидетелей по делу.

Как видно, доступность правосудия должна оцениваться в широком конституционном контексте и пониматься в качестве основного признака демократического и правового государства. А это означает, что конституционное право на судебную защиту, как право

на доступное правосудие, принадлежит каждому гражданину, а доступ к правосудию не может быть привилегией. Этот вывод важен как для непосредственного применения ст. 55 и других связанных с ней статей Конституции Украины, так и для отработки новых моделей судебных процедур, прогрессивных изменений гражданского процессуального законодательства.

9. Одна из проблем, которая связана с конституционными основаниями гражданского судопроизводства — проблема юридической силы актов правосудия и прежде всего — судебного решения.

В этом отношении представляет особый интерес вопросы правового действия судебного решения. Тем более что в Конституции Украины прямо предусмотрено требование обязательности решений судов (ст. 129).

Несмотря на то, что в науке гражданского процессуального права проблема действия судебного решения исследована достаточно фундаментально, она все же представляется актуальной, исходя из происшедших существенных коррекцией места и функций правосудия в современной государственно-правовой системе.

На наш взгляд, классические теоретические подходы к квалификации судебного решения исключительно как акта конкретизации права, как акта подтверждения права применительно к конкретному случаю и как приказа суда, веления суда поступать определенным образом, являются не ограниченными. Так, поскольку суд имеет право «критики закона», то невольно возникает вопрос об известных преобразовательных, нормотворческих функциях судебного решения. Исследователи, изучающие проблемы форм судебной практики и ее роли в правовой системе, отмечают конвергенцию правовых систем в том отношении, что не только в странах общего, но и континентального права обнаруживается прецедентный характер решений органов правосудия. Некоторые авторы отмечают, что является перспективным взгляд на суд как орган общества и государства, не только претворяющего, применяющего, реализующего право, но и формирующего право, осуществляющего процесс его становления именно как права. Возможно, такой подход обеспечивает единство и взаимодействие права и судебной власти в их взаимообусловленности и системном взаимопонимании, что является одной из концептуальных составляющих судебной реформы [13].

В теории правовое действие судебного решения связывают только с его законной силой и обязательностью. Законная сила судебного решения действительно лежит в основе его обязательности, из которой проистекают такие его свойства, как неизменяемость, исключительность, неопровержимость, преюдициальность. Законная сила судебного решения и его обязательность в совокупности обеспечивают устойчивость и стабильность актов правосудия. Вместе с тем, законная сила и обязательность не в полной мере отражает, возможно, аспекты судебного решения, ибо относятся к предмету конкретного судебного разбирательства. Юридическое значение судебного решения в силу обязательности имеет и за этими пределами, поскольку с любым судебным решением должны считаться все и каждый. Однако следует отметить, что, выходя за пределы конкретного гражданского дела, судебное решение становится элементом правопорядка в целом. А для оценки судебного решения с точки зрения правопорядка иногда бывает недостаточно оперировать категориями законной силы и обязательности. Известно, что имеет место существование судебных решений, вступивших в законную силу, обязательных по своему действию, формально законных и обоснованных, однако не соответствующих правопорядку. Поэтому, на наш взгляд, кроме качеств законной силы и обязательности, судебные решения должны быть и легитимными.

Легитимность судебного решения означает прежде всего, его соответствие юрисдикционным полномочиям органов судебной власти, поскольку юрисдикция судов на практике не может ни расширяться, ни сужаться.

Особое значение легитимности судебных решений проявляется в связи с их оценкой на соответствие Европейской конвенции о защите прав и основных свобод и особенно прецедентам Европейского суда по правам человека. Международно-правовой механизм защиты прав человека предусматривает возможность обращения в Европейский Суд, который, как известно, не осуществляет контроль за законностью решений национальных судов. Удовлетворение жалобы Европейским Судом означает нелегитимность решения национального суда правопорядку и возникновение обязанности государства восстановить права гражданина и принять меры, гарантирующие в последующем соблюдение Конвенции и вынесение решений судебными инстанциями в соответствии с Конвенцией.

Вопрос о легитимности судебного решения возникает и в связи с принятием решения Конституционным Судом о признании не конституционным закона, на основании которого разрешено дело судом общей юрисдикции.

Как видно, судебное осуществление прав, в том числе конституционных и конвенционных, в силу сложившихся механизмов конституционного и международно-правового контроля обязательств может свидетельствовать о нелегитимности решений судов. Это означает, что процессуальное законодательство должно предусматривать адекватные механизмы и процедуры исправления таких недостатков судебных решений.

Примечания

1. *Комаров V.*, *Zivilprozeßgesetzgebung der Ukraine und Reformierung des Zivilprozeßrechts*. Jahrbuch des Internationalen Zivilprozeßrechts, 4 Band, 1999. С. 367—375; *Комаров В.В.* Актуальные проблемы реформы гражданского и арбитражного процессуального законодательства Украины // СНГ: реформа гражданского процессуального права. М., 2002. С. 87.

2. *Комаров В.В.* Предмет гражданского процессуального права. Харків. 1992. С. 3—26.

3. Не случайно именно эти или сопутствующие проблемы стали обсуждаться в эпоху новеллизации и кодификации гражданского процессуального законодательства (см.: *Ярков В.В.* Будущее системы гражданской юрисдикции: попытка прогноза в начале XXI века // Правоведение. 2001. №1. С. 167—185; *Решетникова И.В., Ярков В.В.* Гражданское право и гражданский процесс в современной России: Екатеринбург-Москва, 1999; *Сахнова Т.В.* Реформа цивилистического процесса: проблемы и перспективы // Государство и право. 1997. № 9. С. 50—56. *Сахнова Т.В.* Новые ГПК и АПК РФ: еще раз о единстве процесса (заметки по поводу) // Ученые записки юрид. ун-та Красноярского гос. ун-та. Вып. 2. Красноярск. 2003. С. 315—323; *Попова Ю.А.* Подведомственность как средство реализации права на обращение в суд по гражданским делам // Ученые записки юрид. ин-та Красноярского гос. ун-та. Вып. 2. Красноярск. 2003. С. 333—341 и др.

4. Обращает на себя внимание и то, что в последние годы дается новая, более содержательная трактовка принципа осуществления правосудия только судом. См.: *Шерстюк В.М.* Принципы осуществления правосудия только арбитражным судом // Проблема защиты прав и законных интересов граждан и организаций: Матер. Междунар. науч.-практич. конф. Краснодар, 2002. С. 24—32.

5. *Романец Ю.В.* Специализация в судебной деятельности как средство повышения эффективности правосудия // Проблемы защиты прав и за-

конных интересов граждан и организаций: Матер. Междунар. науч.-практич. конф. Краснодар, 2002. С. 5—13.

6. Конституція України. Науково-практичний коментар. Харків, 2003. С. 608—610.

7. *Радченко П.І.* Юрисдикція суду в проекті нового цивільного процесуального процесу // Державне будівництво та місцеве самоврядування. Харків. 2003. С. 113—114; *Сапунков В.Й.* *Ємельянова І.І.* Проблеми цивільної юрисдикції судів // Бюлетень Міністерства юстиції України. 2002. № 6. С. 54.

8. Вісник Верховного Суду України. 2004. №3. С. 7.

9. Вісник Верховного Суду України. 2004. № 3. С. 7—8.

10. *Сахнова Т.В.* Гражданское процессуальное право России: перспективы развития // Государство и право. 1999. № 12. С. 32—33.

11. Вісник Верховного Суду України. 2004. №3. С. 7.

12. *Сакара Н.Ю.* Належна судова процедура як предмет доступності правосуддя // Юридична Україна. 2004. №3. С. 63—68; *Сидоренко В.М.* Доступность правосудия в гражданском и арбитражном судопроизводстве: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 2002.

13. *Шевцов В.С.* Право и судебная власть в Российской Федерации. М., 2003. С. 78.

АССОЦИАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА И ТРУДОВОГО ПРАВА
РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ ГАЗЕТА «ЭЖ-Юрист»

**СОВРЕМЕННАЯ ДОКТРИНА
ГРАЖДАНСКОГО,
АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА
И ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
ПРОИЗВОДСТВА
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Сборник научных статей

Краснодар — Санкт-Петербург
Издательство Р. Асланова
«Юридический центр Пресс»
2004

УДК 347.9
ББК 67.410
С 56

Редакционная коллегия:

В.В. Грязева, председатель судебного состава Арбитражного суда Краснодарского края; Л.Г. Данильченко, зам. председателя Арбитражного суда Краснодарского края; Е.Е. Капорина, зам. главного судебного пристава Краснодарского края; А.В. Каширин, зам. главного редактора «ЭЖ-Юрист»; Г.А. Мантул, председатель Арбитражного суда Краснодарского края; Т.Б. Станкевич, канд. юр. наук, доцент КубГУ; О. Струнская, обозреватель «ЭЖ-Юрист»; Г.Д. Улетова, канд. юр. наук, доц. КубГУ (отв. ред.); Е.В. Хахалева, судья Краснодарского краевого суда; А.Д. Чернов, д-р юр. наук, проф., председатель Краснодарского краевого суда; В.М. Шерстюк, д-р юр. наук, проф. МГУ им. М.В. Ломоносова; Г.В. Рудь, зам. председателя Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа; В.В. Ярков, д-р юр. наук, проф. Уральской государственной юридической академии; В.Н. Яценко, судья Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа.

**Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Кубанского государственного университета**

С 56 Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика: Сб. науч. статей. — Краснодар — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. — 760 с.

ISBN 5-94201-387-X

Предлагаемый сборник научных статей подготовлен кафедрой гражданского процесса и трудового права Кубанского государственного университета совместно с российской правовой газетой «ЭЖ-Юрист». В сборнике представлены исследования известных ученых, а также тех, кто делает первые шаги в науке гражданского, арбитражного процессуального права и исполнительного производства.

Адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов, работникам правоохранительных органов и судов.

ББК 67.410

© Кубанский государственный
университет, 2004

© Изд-во Р. Асланова «Юридический
центр Пресс», 2004

ISBN 5-94201-387-X

ASSOCIATION YURIDICHESKY CENTER

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF RF
KUBAN STATE UNIVERSITY
FACULTY OF LAW
DEPARTMENT OF CIVIL PROCEDURE AND EMPLOYMENT LAW
RUSSIAN LEGAL NEWSPAPER "EZH-Yurist"

**MODERN DOCTRINE
OF CIVIL,
ARBITRATION PROCEDURE
AND EXECUTORY
PROCESS**

Theory and Practice

Collected Articles

Krasnodar — Saint Petersburg
R. Aslanov Publishing House
"Yuridichesky Center Press"

2004